

Е.В. Осетрова

**МАНИФЕСТАЦИЯ ФАКТА
В РУССКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ,
или СОБЫТИЕ ВЫРАЖЕНИЯ**

Монография

Институт филологии и языковой коммуникации

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Елена Осетрова

**Манифестация факта в
русском высказывании,
или Событие выражения**

«Сибирский федеральный университет»

2012

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус

Осетрова Е. В.

Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения / Е. В. Осетрова — «Сибирский федеральный университет», 2012

ISBN 978-5-7638-2462-9

В книге представлено комплексное описание одного из самых интересных и в то же время узнаваемых фрагментов окружающего нас мира – «события выражения» (М.М. Бахтин). Его анализ с позиций философии, психологии, невербальной коммуникации, имиджелогии и др. уточняет взаимосвязь между восприятием и осмыслением, вещественным и процессным, заставляет отвечать на вопрос, что важнее – форма или содержание. Тема, которой профессионально интересуется автор, – образ «события выражения» в русской языковой картине мира. Трансформированное в ситуацию Манифестации Факта, оно обретает в языке собственную семантическую модель. Эта модель, усложненная смыслами достоверности, причинности, мультипликации, может быть использована как основа яркого описания, а может стать почти незаметной, разместившись в тени высказывания. Для специалистов в области антропологистики и семиотики, языковой картины мира и семантического синтаксиса, преподавателей русского языка и широкого круга гуманитариев.

УДК 811.161.1

ББК 81.2 Рус

ISBN 978-5-7638-2462-9

© Осетрова Е. В., 2012
© Сибирский федеральный
университет, 2012

Содержание

Введение	6
Глава I	10
1. «Событие выражения» в научной картине мира	10
1.1. Гуманитарные и естественнонаучные знания	10
1.2. Научно-практические опыты	12
1.3. Философские труды	15
2. Ситуация манифестации факта: Лингвистическая база анализа	18
2.1. Исследование языковой картины мира и антропологистика	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Е.В. Осетрова

Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения: монография

Введение

Каждый человек ежедневно, если не ежечасно, встает перед необходимостью решать цепочку типичных информационных задач. Утром, отправляясь на службу и проходя по двору, он шуршит ворохом нападавших за ночь, неубранных знакомым дворником листьев: «Наверное, у Петра Ильича опять давление подскочило, дома отлеживается. Ничего, мы тут пока сами, ногами слегка "разметим!" Разглядывая в ожидании автобуса юную парочку, нежно держащуюся за руки, он вспоминает свою первую влюбленность... На работе его добродушное настроение быстро улетучивается: вместо обычных приветствий офис встречает гробовым молчанием коллег, суетливо наводящих порядок на рабочих столах, и напряженной спиной секретарши в приемной. Все совершенно понятно: шеф в плохом настроении и отдел ждет очередной разнос... Через несколько часов, по дороге домой, человек замечает плакаты с улыбками известных в городе и стране людей и новую асфальтовую дорожку вдоль сквера. Ну да, неплохо, власть готовится к очередным выборам. Дома его тоже встречает улыбающееся лицо – родное лицо сына. И по театральному жесту, указывающему куда-то в глубину комнаты, человек догадывается, что ему приготовлен сюрприз. Вечер удался.

Конечно, такое описание «одного дня из жизни соотечественника», вынужденного ежечасно восстанавливать прошлое либо прогнозировать будущее по каким-то особым выражениям – признакам, предметам, состояниям, действиям, символам – может показаться утрированным. Однако уважаемый читатель, скорее всего, согласится с тем, что мыслящий субъект большую часть времени проводит в роли воспринимающего и осмысливающего множество самых разных, заранее известных либо совершенно случайных сигналов, по которым он делает выводы о событиях из жизни других людей. Событиях, не данных ему в непосредственном восприятии и неочевидных¹.

Для большинства из нас эта своеобразная роль дешифровщика настолько привычна, что мы не задумываемся об участниках, деталях и механизмах целого процесса. Нас типично интересует только момент «выхода» – извлекаемая из ситуации информация; в лучшем случае – еще момент «входа» – внешний признак, что и отражается в репликах типа: «Слушай, я Антона в универе третий день с электронной книжкой вижу. Наверное, долг по зарубежной собрался пересдавать».

Есть, впрочем, участки социальной среды, освоение которых заставляет человека вырабатывать почти профессиональные навыки истолкования. Так, мать безошибочно определяет эмоциональное и физическое состояние ребенка по его внешнему виду, класс довольно точно

¹ При условии, если эта интерпретация приобретает оттенок оценки, она уходит в сторону этики: «Вопреки евангельской заповеди "Не судите, да не судимы будете", человек в своей языковой деятельности постоянно занимается оценкой своих ближних, используя для этого готовую систему весьма общих этических, религиозных, юридических, логических и иных правил, норм, заповедей, в той или иной мере узаконенных в данном обществе. Отклонение от них, их превышение или – гораздо реже – соблюдение получает специальные наименования: грех, измена, обман, ошибка, подвиг, помощь, предательство, преступление, проступок и т.п. Интерпретация ... представляет собою в конечном счете квалификацию конкретного действия или состояния человека с помощью этой готовой номенклатуры обобщенных ярлыков, то есть подведение частного случая под общий случай особого рода» [Языковая картина мира ... 2006: 148].

разбирается в индикаторах настроения учителя, а менеджер по персоналу, исследовав манеру держаться, внешний вид, жесты и мимику посетителя, через несколько минут после начала интервью в состоянии оценить амбиции и перспективы будущего работника.

«Событие выражения» (по М.М. Бахтину), или «ситуация Манифестации Факта» (такое наименование используем мы в данном тексте), тем самым оказывается значимым эпизодом обыденной жизни человека, подвигая его к анализу причинно-следственных связей и помогая адекватно реагировать на бесконечно меняющиеся внешние обстоятельства.

Переводя далее рассуждения в научную плоскость, приведем определения понятий факта и манифестации, которые становятся для нас ключевыми.

Термин «факт» употреблен здесь как обозначение любого явления, связанного с существованием человека, независимо от того, кратковременное это состояние или свойственное ему качество, действие или движение; независимо от природы этого явления и способов его обнаружения. Такое понимание «факта» соответствует не только словарным определениям («действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует» [Толковый словарь ... 2007: 1044]), но имеет устойчивую лингвистическую базу – «факт» употребляется синонимично или тождественно «событию», «состоянию», «предмету» в [Иорданская 1970: 8; Николаева 1980: 198; Шмелева 1983: 42; Телия 1988: 192; Михеев 1990: 57], то есть как имя с онтологической семантикой.

Укажем и на иное понимание «факта» как метаязыкового классификатора эпистемического (относящегося к мнению и знанию) плана [Арутюнова 1999: 488–489; Коньков, Неупокоева 2011: 148–149], противопоставленного «событию» в рамках концептуального анализа и когнитивной лингвистики. Впрочем, даже в этой традиции констатируют смешение «фактов» и «событий», признавая, что «удар оземь» не станет для него [факта] губительным, а смешение с именами онтологического плана не будет воспринято как нечто совершенно противное его природе [Арутюнова 1999: 505].

Под термином «манифестация» [Хэмп 1964: 107] с учетом его латинской этимологии (*manifestāre* – делать явным, показывать) мы понимаем процесс, состояние или качество, которые превращают скрытый или затрудненный для восприятия факт в очевидный – обнаруживают его, делают доступным для наблюдателя. Термином в аналогичном значении пользуются в работах по семиотике [Вайнштейн 1993: 82], невербальной семиотике [Крейдлин 2000а: 34, 37], прагматике [Тарасова 1993], дискурсу СМИ [Володина 2004: 27], когнитивной лингвистике [Алефиренко 2009: 95].

Итак, ситуация манифестации – важный фрагмент окружающего мира, в пространстве которого активным субъектом с завидной регулярностью выступает каждый из нас. Следовательно, она не может не быть осмыслена языковым сознанием.

Исходя из этих соображений, попробуем посмотреть на феномен под иным углом зрения, разместив в центре внимания его **языковой образ**: «Отношение языка к внеязыковой реальности – одна из коренных проблем <...> Язык создает свой мир. Одновременно возникает вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, и мира, существующего вне связи с языком, лежащего за его пределами» [Лотман 1992б: 8]; см. о том же [Киклевич 2007: 179, 186–187].

Концептуальная взаимосвязь «мир – язык» прочерчивает и прямо противоположный вектор интереса: сама действительность заставляет подробно разбираться в отражениях, возникающих в мощнейшем зеркале универсума – языке. Эту идею развивает в своих работах В.В. Богданов.

Эпоху, начавшуюся со второй половины XX в., называют информационной, и ее ведущие технологии имеют ярко выраженный информационный характер. Электронные СМИ, электронная почта, Интернет, компьютеры, гаджеты, беспроводные коммуникационные системы определяют менталитет, типичный для данной эпохи. Характерные его черты – «интерес к

сведениям, знаниям, информации, ее восприятию, интерпретации и пониманию. Данная всеобщая тенденция проявляется в лингвистике поворотом к изучению преимущественно содержательной стороны языка. По словам Б.Ю. Городецкого, "семантика старается занять подобающее ей место в лингвистической теории, стремясь образовать ядро науки о языке и подвергнуть полному пересмотру направление исследований в описательной лингвистике". В фокусе внимания оказывается содержание ... Это явление условно и не очень терминологично можно назвать «вторым пришествием» содержания в мир» [Богданов 2007: 224].

Итак, у автора книги возникает сугубо профессиональный – лингвистический – интерес: каким образом ситуация Манифестации Факта, важнейшей составляющей которой является событие выражения, отражена в языковой картине мира. Такая формулировка заставляет ставить вопросы, ответы на которые с разной степенью полноты даны ниже и содержание которых задает ход дальнейших рассуждений; а именно, необходимо

- исчислить элементы ситуации на экстралингвистическом (внеязыковом) и пропозитивном (языковом) уровнях в ее типовом и потенциальном вариантах;
- описать языковые формы воплощения ситуации;
- вычленить центральный элемент, организующий событие выражения, и через это раскрыть его специфику, прояснив, что выделяет его из непрерывного событийного потока и как это отражено в языковой картине мира;
- выявить основные принципы и механизмы, руководящие текстовой «жизнью» объекта.

В качестве источников использованы тексты художественной литературы XIX–XXI вв., российская периодическая печать, ряд контекстов из «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, выборка лексем из этого словаря, а также из «Словаря сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина и «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой. Картотека включает три тысячи иллюстративных единиц. Это образования разного типа – от простых предложений до объемных текстовых фрагментов, что продиктовано прежде всего сложностью самого объекта. Как отмечает В.Г. Гак, расширение материала закономерно при ономаσιологическом подходе, поскольку он принципиально безразличен к статусу используемых для выражения данного значения языковых средств [Гак 1985: 15; Ускова 2012: 42].

Поскольку автор сосредоточен на содержательной стороне высказывания, а диапазон колебаний его объема, как признают исследователи, может быть весьма широким [Шмелева 1992: 21], оговоримся сразу, что для анализа взяты не только самостоятельные синтаксические единицы, но и так называемые потенциальные [Шмелева 1992: 19], представляющие лишь части готовых высказываний.

Феномен потенциального высказывания естественно связан с понятием «вторичной предикативности». Вторичная предикативность трактуется как зависимая от первичной. К вторично-предикативным относятся придаточные предложения, инфинитивные, причастные, деепричастные и герундиальные обороты, обособления, предложно-субстантивные конструкции и т.п. Пониженные в семантическом и синтаксическом ранге, они как бы образуют дополнительные свернутые высказывания. Это дает возможность объединять в предложении несколько предикатных выражений и тем самым расширяет возможности текстообразования, делая текст более разнообразным. Любая вторично-предикативная (потенциальная) конструкция может быть преобразована в завершенное речевое произведение, содержательно и коммуникативно автономное [Богданов 2007: 53–59]; приведем примеры:

Я посмотрел в темноту за долину, на противоположную гору, – там, в доме Виганда, одиноко краснел, светился поздний огонек. «Это она не спит», – подумал я (И. Бунин); Он сжал пальцы в кулак и чуть приподнял его над головой, изображая приветствие (Н. Коняев); [– Да, да, конечно, милая Марина! –] взволнованно и убежденно залепетала Аля (М. Цветаева); Нюра посмотрела на него ошалелым взглядом (В. Войнович).

В первом отрывке о факте бодрствования субъекта (*она не спит*) сигналист огонек непогашенной лампы; причем и манифестация и факт представлены конструктивно сильно, оформленные предикативными единицами. Во втором фрагменте равноправие этих двух фаз уже нарушено: факт приветствия передается деепричастным оборотом *изобразя приветствие*, зависимым от главного предиката, а потому предикативно вторичным. Наконец, последние два случая демонстрируют крайнюю степень синтаксической периферийности факта. Если манифестация в них полноценно выражена глаголами речевого и зрительного действия (*залепетала* и *посмотрела*), то манифестируемый факт низведен до позиции квалификатива: состояния взволнованности, убежденности и стресса, оформленные наречиями и прилагательным, «заведены» в тень высказывания. Они, однако, с легкостью преобразуются в самостоятельные предложения; ср. с оригиналом: [*– Да, да, конечно, милая Марина! –*] *убежденно залепетала Аля. Она была очень взволнованна; или: Нюра посмотрела на него странным взглядом. Она совсем ошалела от всего случившегося.*

Таким образом, событийный центр нашей ситуации составляют две фазы – факт и его манифестация; факт квалифицируем как условное начало всего дальнейшего процесса.

Книга состоит из четырех глав. Первая глава представляет общенаучный контекст проблемы, а также методологическую и методическую базу исследования: ее организуют работы по семантическому и коммуникативному синтаксису, лексической семантике, активной грамматике и языковой картине мира. Во второй главе даны сведения о структуре ситуации Манифестации Факта и способах иерархической расстановки ее элементов в тексте. В связи со статусом манифестанта как содержательного ядра ситуации в третьей главе, посвященной детальной характеристике языковой структуры, основное место занимает описание именно этого актанта. Сложность ситуации продиктовала, кроме того, необходимость анализа каждой из первичных фаз-пропозиций, что является содержанием четвертой главы. Таким образом читатель сначала составляет общее представление об объекте, а затем знакомится с его отдельными элементами и имеющимися между ними взаимосвязями.

Приложения демонстрируют формально-языковой потенциал пропозиции манифестации – списки имен и предикатов, сгруппированных по различным основаниям.

В заключение я хочу выразить искреннюю признательность рецензентам – моему учителю, Татьяне Викторовне Шмелевой, и Борису Юстиновичу Норману за глубокие суждения и полезные замечания, которые помогли мне по-новому интерпретировать полученные результаты, а также задуматься о перспективах темы. Отдельная благодарность коллегам – сокурсникам, друзьям и преподавателям кафедры русского языка и речевой коммуникации СФУ – многие годы культивирующим замечательную атмосферу творчества и профессиональной и человеческой сопричастности.

Глава I

Манифестация факта как объект исследования

1. «Событие выражения» в научной картине мира

В системе научных представлений событие выражения, а через него и ситуация Манифестации Факта (далее – «ситуация МФ» либо «ситуация»), оказываются четко выделенными, в целом ряде случаев приобретая статус самостоятельных эвристических объектов.

1.1. Гуманитарные и естественнонаучные знания

В соответствии с тенденцией к консолидации наук о человеке, которая на протяжении последних десятилетий осознана весьма определенно (см., например [Смелзер 1994: 17; Язык средств ... 2004; Массовая культура 2005: 10–16]), в том числе и лингвистами [Леонтьев 1979: 20; Логический анализ ... 1989: 3–4; Апресян, Апресян 1993: 27; Крейдлин 2000а: 7; Язык и гендер 2005: 8–15; Алефиренко 2009: 5–10; Тимофеева 2009: 5–8], будет логичным на стартовом этапе анализа заняться поисками того места, которое занимает ситуация МФ как научный объект на широком поле гуманитарного и естественнонаучного знания.

Разумеется, в рамках непересекающихся, а иногда конкурирующих школ данный феномен именуется и трактуется по-разному. Однако во всех подобных исследованиях момент **выражения**, делающий прямо не наблюдаемую ситуацию / состояние / процесс явным, оценен как важнейшая составляющая бытия, что позволяет рассматривать такие работы в одном аналитическом блоке.

Со времен античности событием выражения интересуется психология [Феофраст 1993]. М. Томаселло, американский психолог и антрополог, выдвигая очередную гипотезу становления языка, показывает, что языковая способность вырастает на основе указательных жестов, пантомимической коммуникации и жестовой грамматики информирования, содержание которых усваивают и расшифровывают члены сообщества [Томаселло 2011; о том же: Маланчук 2009: 158–165]. Процессы манифестирующей природы занимают внимание и другой ветви психологии – психологии эмоций, где раскрываются характер, внутренний мир человека, особенно сфера чувств и эмоций, через их внешнее выражение [Рейнковский 1979; Изард 1980]. Изучаются они в психиатрии [Леонгард 1989], психофизиологии [Ваганов 1994], являются центральным объектом в симптоматике и диагностике медицины, значимы в социологических теориях символического интеракционизма и управления впечатлениями [Смелзер 1994: 136–144].

Новейший психологический опыт осмысления «событий выражения» представлен австрийцем А. Лэнгле в книге «Эмоции и экзистенция» [Лэнгле 2011]. Этого известного европейского специалиста по экзистенциальному анализу интересуют взаимосвязи эмоций и бытия человека в единстве его физической, психической, духовной и социальной ипостасей. Большое внимание автор уделяет причинам возникновения и проявлениям агрессии – наиболее активному и опасному состоянию человеческой психики, переживание которого влечет разрушительные последствия как для субъекта, так и для его окружения.

Способы агрессивных реакций классифицируются с ориентацией на четыре типа экзистенциальных модальностей – «способов бытия в мире». Так, если под угрозой находится сама «возможность жить», человек впадает в ненависть, делающую его лицо холодным и бледным, губы сжатыми, глаза сужеными, тело дрожащим. Если опасности подвержена вторая базовая

мотивация «желание жить», тип агрессии в этом случае – порыв ярости. Она приводит человека в движение, развернутое вовне: «Его лицо красное, тело горит, нет и следа ригидности, безжизненности и "обузданности" сжатых глаз и губ ... глаза находящегося в ярости человека сверкают, широко открыты, его руки могут как лежать на предплечье или плечах другого, так и трясти этого другого, чтобы тот увидел, как сильно из-за холодности и отсутствия отношений страдает этот человек» [Лэнгле 2011: 264]. Регулярно агрессию вызывает искажение третьей модальности – «возможности быть самим собой». Тогда типичны спонтанные гневные выкрики *Бессовестный!*, *Какая наглость!*, *Со мной это не пройдет!*, *Я ему покажу!*, *Пошел ты!* Если дополнительно необходимо защитить систему жизненных мотиваций, в ход идет упрямство, которое выглядит как бездействие, выстраивающее стену между субъектами отношений. Наконец, попытка разрушить четвертое условие нормального существования, когда человек рискует утратить разумный контекст, главный смысл жизнедеятельности, приводит к вандализму. Человек умышленно причиняет ущерб имуществу, ломает окружающие предметы и аппаратуру, проявляя речевую и физическую агрессию в отношении «других»: иностранцев, инвалидов, детей и т.д. [Лэнгле 2011: 259–267].

Автором, демонстрирующим комплексный интерес к антропологии, этнографии, семиотике, городскому фольклору, устной истории, даже психиатрии, и одновременно активно двигающимся в интересующем нас направлении, является И. Утехин. Его книга «Очерки коммунального быта», интеллектуальный бестселлер 2001 г., описывает не только дежурную среду коммунальных квартир: перед читателем разворачиваются скрупулезно восстановленные «карты» обитания, внутренние и прилегающие территории, открываются «пустые комнаты», в конце концов, высвечивается сама «сцена жизни». Но едва ли не больший интерес вызывает поведение хозяев этой «специфической для крупных советских городов формы жилища», как раз и подчиненное глобальной метафоре театральной сцены. «В условиях прозрачного пространства, этакого лабиринта застекленных сцен, возможности заявить о себе многократно возрастают. Образ человека не просто сам по себе складывается в глазах других из всего того, что они о нем знают; он направленно формируется человеком. Открыто или косвенно, соблюдая приличия, возможно хвастаться всем, что составляет твою жизнь и отличает тебя от остальных – или, по крайней мере, показывает, что ты не хуже других. Такова одежда, которую носишь, гости, которые к тебе приходят, – и все множество деталей, читающихся как признаки достатка и пользования благами судьбы» [Утехин 2004: 118]. Понятно, что большая часть событий стремится занять место на шкале семиотичности [Байбурин 2004: 15] независимо от того, что они выражают: борьбу главных героев за справедливость, своеобразную этикетность или типичную для коммунальных мест «параноиду жилья» [Утехин 2004: 176–182].

Поворачивая ход рассуждений в сторону предмета семиотики, обратим внимание, что это научное направление, нашедшее воплощение в трудах Вяч. Вс. Иванова, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, развитое в новой семиотике Р. Барта, П. Бурдьё, Ж. Деррида и многих других отечественных и зарубежных исследователей, исходит из тройственной (семантико-синтактикопрагматической) природы знака. Его динамическая модель может быть истолкована как рождение смысла, перетекающего в событие выражения, формы которого, в свою очередь, воспринимаются и толкуются участниками коммуникации.

В связи с наличием обширной литературы по семиотике и не менее широкой ее популярностью² нет смысла вдаваться в подробное обсуждение соответствующей проблематики. Укажем лишь на то, что ситуации манифестирующего типа становятся важным этапом семиотического анализа политического дискурса [Шейгал 2004: 97–133], театрального и мультипликационного языка, живописи и художественного ансамбля интерьерера, городского пространства

² Показательно в этом отношении содержание одного из последних научных сборников, собравшего работы представителей французской и московско-гартусской семиотических школ [Современная семиотика ... 2010].

и бытового поведения городского населения, художественных и фольклорных текстов (см., в частности [Лотман 1992; 1992а; 1993; 1994; 2010]). Под данным углом зрения рассматривают жизнедеятельность человека в прошлом [Лихачев, Панченко и др. 1984: 93–94, 170; Лотман 1994] и в настоящем [Вайнштейн 1993]. Наконец, авторы литературоведческих работ [Сахаров 1977; Горшков 1982: 218; Гинзбург 1999], а также работ по семиотике искусства и культуры [Успенский 1995; Падмор 2005; Рейд 2005; Бест, Келлнер 2005; Ямпольский 2010], уверенно реконструируют внутреннюю сущность реальных и вымышленных персонажей через анализ их действий, поступков и внешнего вида.

1.2. Научно-практические опыты

Социальная актуальность темы в последние десятилетия приводит к тому, что на стыке перечисленных выше наук начинает бурно развиваться новая отрасль научно-практического знания.

Множество пособий и руководств создано в русле имиджологии – прикладной гуманитарной дисциплины, которая в качестве прочного основания использует достижения и компетенции западных экспертов-консультантов, занятых строительством групповых взаимоотношений.

Понятие имиджа (от англ. image – образ, представление) – одного из обязательных элементов публичной коммуникации – вошло в российскую социальную практику совсем недавно [Панасюк 1998: 8–10]. По утверждению Е.А. Петровой, имиджология изучает закономерности формирования, функционирования и управления имиджем человека, организации, товара или услуги; раскрывает универсальное, особенное и единичное в онтологии всех видов имиджей [<http://www.academim.org>]. В более узком, классическом, понимании, исходя из которого развивали свои идеи американские и вслед за ними европейские профессионалы с конца 70-х – начала 80-х гг., парадная сторона имиджа – это внешность человека, его стиль [Спиллейн 1996; 1996а]. Как слагаемые здесь выступают одежда и аксессуары (подробно рассматривается проблема цвета), физические данные человека, его жесты, мимика, характеристики голоса. Отдельного разговора заслуживает тема отношений «клиента» со средствами массовой информации.

Кроме внешней, наблюдаемой, необходимо учитывать внутреннюю сторону имиджа; см. словарное определение: «*Имидж*. Сложившийся или намеренно созданный образ, представление о ком-чем-нибудь; сам внутренний и внешний облик человека» [Толковый словарь ... 2007: 297]; ср. [Крысин 1998: 266]. Усилия экспертов направлены на то, чтобы через систему хорошо узнаваемых форм вовне транслировалось бы именно то содержание, которое благоклонно принимает аудитория.

В последние десятилетия данная проблематика буквально захватила внимание отечественных специалистов. С 2003 г. российская Академия имиджологии ежегодно проводит международный симпозиум по имиджологии, а с 2005 г. – конкурс «Имидж-директория». В том же русле защищают диссертации, пишут монографии, разрабатывают научную терминологию [Панасюк 2007а]. На русский язык не только переводится авторитетная западная литература (к примеру [Берд 1996; Браун 1996; Спиллейн 1996; 1996а; Дейвис 1997; Джеймс 1998]) – чрезвычайно оперативно создаются собственные тексты с различной предметной, профессиональной и адресатной направленностью. Расширяя рабочие масштабы имиджевых технологий до пространства целых социальных сфер, теории и практики делятся советами по успешному проведению предвыборных кампаний [Как делать имидж ... 1995], презентаций [Гандпас 2010] и правильному «строительству» шоу-бизнеса [Белобрагин 2007]. Одни чувствуют готовность совершенствовать имидж науки [Володарская 2006], имидж армии [Имидж армии ... 2006] или деловых культур [Семиотика и имиджология ... 2003; Самохвалова 2012: 158–

167], другие направляют внимание на более обозримые объекты. Под лозунгом «Имидж – это искусство нравиться людям» моделируется образ успешного человека [Алексеев, Громова 1993; Шепель 2005], а еще более конкретно – преуспевающей женщины [Нефедова, Власова 1997] и бизнесмена [Кузин 1997], телезвезды [Гуревич 1991; Адамьянц 1995], музыкального кумира [Белобрагин 2006] и политика [Цуладзе 1999], учителя [Петрова, Шкурко 2006] и библиотекаря [Алтухова 2008].

Тему развивают средства массовой информации и Интернет. Журналы «Эксперт», «Советник», «Капиталь», «Рекламный мир», газета «Совершенно секретно» публикуют интервью с политтехнологами, а иногда и аналитические материалы, раскрывая секреты российского имиджмейкинга. Те, кто заинтересован в серьезном освоении данной профессиональной ниши, могут взять на вооружение руководства «к действию» в изложении политологов [Имидж лидера ... 1994; Политическая имиджелогия ... 2006], экономистов [Мальшков 1998], коммуникативистов [Почепцов 1995; 1998; 2001: 216–222; 2001a: 173–189; 2002: 47–67] или социологов [Актуальные проблемы ... 2006]. Однако самыми эффективными имиджеологами следует, видимо, признать психологов [Петрова 2006; Панасюк 2007] и лингвистов.

Что касается последних, то их обращение к имиджу обусловлено интересом отечественной лингвистики к языковой личности [Караулов 2007; Караулов, Филиппович 2009] и бурным развитием лингвоперсонологии [Голев, Сайкова 2007]. Именно в пределах этой науки, отмечает И.В. Башкова со ссылкой на О.А. Дмитриеву, «речевой имидж» пересекается с понятиями «языковая личность», «лингвокультурный тип», «модельная личность», «роль», «стереотип», «амплуа», «персонаж», «речевой портрет» [Башкова 2011: 46] и «маска» [Кукс 2010]. Языковеды, освоившие термин «имидж», с успехом препарируют его языковое / речевое тело, поднимая вопрос о культивировании социального статуса [Минаева, Морозов 2000; Лингвистические средства ... 2003; Осетрова 2004; Даулетова 2004; Дмитриева 2006; 2007; Шемякова 2007]. Недавно опубликованная тематическая библиография [Башкова 2011] свидетельствует о том, что наибольший интерес вызывает имидж политика: властного субъекта оценивают как авторитетное лицо, жизненная сила которого манифестируется через параметры «творческая (текстовая) самостоятельность» и «коммуникативная мобильность» [Базылев 2000; Постникова 2001; 2003; Комиссаров 2007; Осетрова 2007; Бoryгина 2009].

Накопленный за несколько десятилетий научно-практический опыт подводит к заключению, что внешность + поведение + речевая / языковая манера человека важны не столько в аспектах «красиво / некрасиво», «модно / немодно», «этикетно / неэтикетно» или даже «правильно / неправильно», сколько в аспекте содержательного посыла, который формирует сумма имиджевых знаков.

И проблематика речевого имиджа, и структура его предмета заставляют обратиться к еще одному научно-практическому направлению, возникшему за рубежом в 60–70-х гг. XX в. и ставящему во главу угла интерес к невербальному поведению личности. Специалисты – психологи, социологи, физиологи – весьма успешно изучают многослойную систему межличностного взаимодействия, которое означивают специфические комплексы движений, неповторимые у каждого человека и одновременно типичные для того или иного национального коллектива. Важнейший момент этого процесса – расшифровка разнообразных индикаторов психических состояний. В случае осознанного невербального поведения следует говорить о невербальной коммуникации как системе символов, сигналов и кодов; их функция – передача информации членам социума [Основы теории коммуникации ... 2005: 295].

Интересные аспекты темы раскрываются в исследовании психолога В.А. Лабунской «Экспрессия человека: общение и межличностное познание». Структуру теоретической части текста задает типология невербального поведения человека: сюда отнесены кинесика (движения тела и жесты), просодика (тембр и темп речи, высота и громкость голоса), экстралингвистика (паузы, плач, смех, кашель), такесика (касания и тактильная коммуникация), система

запахов. Перечисленные коды разными способами передают информацию о человеке и его самочувствии [Лабунская 1999: 27].

Детальный портрет нашего соотечественника, увиденный сквозь призму русского архетипа и общественных ценностей, нарочито пронизанный нитями семиотического комментария, дается в книге А.В. Сергеевой [Сергеева 2005]; В.К. Харченко как будто дополняет его, обрисовывая двадцать символов элитарного поведения, означающими которого выступают – одежда, взгляд, улыбка, движения, голос и молчание [Харченко 2005]; а Т.В. Ларина, специалист в области лингвокультурологии, занята сопоставительным аспектом темы и реконструирует модели невербальной коммуникации русских и англичан [Ларина 2009: 90–125].

В ряду наиболее авторитетных отечественных работ, развивающих данную гуманитарную отрасль, стоят труды Г.Е. Крейдлина. Он предложил для нее новое название – «невербальная семиотика» – и сформулировал главную теоретическую задачу – объединив усилия современных биологов, психологов, социологов и лингвистов на интегральной основе создать системное, непротиворечивое и функциональное описание огромного поля невербальной коммуникации.

Ядром невербальной семиотики, как и Лабунская, Крейдлин считает кинесику; ее история в аспекте отношения социума к человеческому телу и телесности вообще, а также проблематика межкультурной переводимости / непереводимости жестов изложена в [Крейдлин 2007: 335–344]. Далее ученый выделяет паралингвистику (аналогично «просодике» и «экстралингвистике»), окулесику (язык глаз), аускультацию (науку о семиотических функциях звуков и ау-диальном поведении людей), гаптику (то же, что «такесика»), ольфакцию (язык запахов), гастику (науку о знаковых функциях пищи и напитков), хронемиду (науку о семиотических и культурных функциях времени), проксемику (символику человеческого пространства) и системологию (науку о системах объектов, окружающих человека, об их функциях и смыслах).

С анализом невербальной коммуникации Г.Е. Крейдлин совмещает семантико-языковой подход, что возводит в программный методологический принцип: расшифровка жеста совмещается с данными о нем в русской языковой картине мира. Это позволяет автору прийти к выводу о том, что многие жесты зафиксированы в виде устойчивых номинаций, осваивая которые носитель языка постигает своеобразный учебник жизни – учебник невербального общения; ср.: *потрешать по щеке, дать подзатыльник, подмигнуть, поцеловать, обнять, развалиться, сидеть нога на ногу* и т.д. [Крейдлин 2000а; 2004].

Отдельное направление усилий Г.Е. Крейдлина и его коллег – создание «Словаря языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев и др. 2001]. Понимая русский язык тела как слаженную знаковую систему, авторы демонстрируют связь ее единиц с языковыми единицами – русскими жестовыми фразеологизмами. Описание жестовых эмблем дано через аппарат жестовых примитивов и организовано в лексикографические классы: для симптоматических жестов используется элемент *выражает*, а для коммуникативных – *показывает*. Так, жесты прерывания контакта с собеседником (*заткнуть уши, закрыть лицо руками, отшатнуться*) размещены в общей словарной зоне.

Обратим внимание на то, что теоретики невербальной коммуникации последовательно разделяют, с одной стороны, знаки, сознательно используемые человеком, и, с другой стороны, физиологические незнакомые движения (чихание, подергивание ногой, опускание плеч), не имеющие прямой коммуникативной функции. Хотя подобные виды активности не входят в число приоритетных объектов невербальной семиотики, лингвистический интерес автора монографии распространяется в том числе и на них – на манифестации, свидетельствующие о всяком событии человеческой жизни, воспринятом опосредованно.

В результате можно говорить об условной модели события выражения в научной картине мира. Его центральным элементом по преимуществу выступает неиндивидуализированный субъект, внутренний мир которого находит выражение через мимику, жесты и прочие

внешние характеристики человеческого тела. В этой связи возникают классификации манифестирующих функций и манифестантов [Рейнковский 1979: 142–153 и сл.; Малкольм 1993: 82], положенные в основание практических руководств [Nierenberg, Calero 1971] и теоретических концепций [Nierenberg, Calero 1971; Крейдлин 2000a]. Понятия «выражение», «проявление», «манифестация» занимают главное место в терминологическом аппарате исследователей, поскольку феномены, которые они обозначают, исключительно важны в процессе познания человека.

Однако научное представление о событии выражения может страдать ощутимой неполнотой: в ряде случаев интерес экспериментаторов не распространяется дальше контуров человеческого тела, а в понимании рабочих механизмов процесса наблюдаются разногласия. Самое яркое из них – противоречивое толкование взаимосвязи между эмоцией-фактом и ее внешним выражением. Одни ученые доказывают, что большинство эмоций, кроме аффектов, не оказывают непосредственного влияния на деятельность индивида и **контролируются** сознанием [Рейнковский 1979: 52 и сл.], другие отказывают манифестации в доверии [Ваганов 1994: 6], третьи выстраивают теорию на утверждении стихийности внешних реакций, запрограммированных подсознанием и **не поддающихся самоконтролю** [Панасюк 1998].

1.3. Философские труды

Примем теперь философский взгляд на предмет нашего исследования, что поможет по-новому осмыслить данные, добытые естественными и гуманитарными науками, и выявит перспективы его лингвистического анализа.

А.Ф. Лосев, вводя понятие «живой человек» и ставя вопрос о соотношении внешнего и внутреннего, утверждает единственный способ познания сущности каждого конкретного человека через внешность. Позволю себе процитировать размышления философа ввиду их важности для аналитической части работы: «Что вы называете ... живым человеком? Вы ... можете сказать: я ничего не знаю, что творится в душе этого человека; я вообще ничего не могу знать; я знаю только его внешность, глаза, нос, рот, уши, ноги и пр.; я знаю только это и никакой сущности этого человека я не знаю. Такое рассуждение, простите, вздорно. Если бы вы действительно, реально так переживали человека, как вы его описываете, то чем бы отличалось ваше отношение к этому человеку от вашего отношения к восковой фигуре, точь-в-точь копирующей этого человека? Как бы мы ни ограничивали своих познаний, но поскольку мы, живые люди, имеем общение с живым человеком, мы знаем его с гораздо более внутренней стороны, чем внешность. Мы чувствуем в нем этот скрытый и никогда не проявляемый до конца апофатический момент, который вечно оживляет этого человека, посылает из глубин его сущности наверх, на внешность, все новые и новые смысловые энергии. И только благодаря этому человек, с которым мы общаемся, подлинно живой человек, а не статуя и не мумия ... Любить, ненавидеть, презирать, уважать и т.д. можно только то, в чем есть неразтворимая и неразложимая жизненная основа, упорно и настойчиво утверждающая себя позади всех больших и малых, закономерных и случайных проявлений. Лицо человека есть именно этот живой смысл и живая сущность, в одинаковых очертаниях являющая все новые и новые свои возможности, и только с таким лицом и можно иметь живое общение как с человеческим» [Лосев 1990: 150–151].

Согласуется с вышесказанным мысль А. Бергсона, которую он публикует в трактате «Смех», обдумывая природу комического: «Какова бы ни была доктрина, которой придерживается наш ум, наше воображение имеет свою вполне определенную философию: в каждой форме человеческого тела оно видит усилие души, обрабатывающей материю, – души бесконечно гибкой, вечно подвижной, свободной от действия закона тяготения ... Некоторую долю своей окрыленной легкости душа сообщает телу, которое она одухотворяет» [Бергсон 1992:

25]. (Заметим в скобках, что подобные представления противоречат одной из особенностей эпической картины мира, состоящей в отсутствии интереса к изображению и анализу внутреннего мира личности [Гвоздецкая 1991: 140].)

В отличие от антропоцентрического взгляда на объект, открытого в предыдущих цитатах, П. Рикёр, ставящий на идеи философской герменевтики, в статье «Герменевтика и метод социальных наук» смотрит на событие выражения с более отвлеченной, но одновременно всеохватной позиции, стремясь уловить целостную структуру и вычленив ее отдельные моменты. Он останавливается на понимании как искусстве «постижения **значения** знаков, **передаваемых** одним сознанием и **воспринимаемых** другими сознаниями **через их внешнее выражение** (жесты, позы и, разумеется, речь). Цель понимания – совершить переход от этого выражения к тому, что является основной интенцией знака, и выйти вовне через выражение (выделено мной. – *Е.О.*)» [Рикёр 1995: 3]. Сопоставляя далее герменевтику текста с герменевтикой социальной сферы, французский философ утверждает, что любое социальное действие может быть «прочитанным», а поэтому несет в себе сходство со знаком в той мере, в какой формируется с помощью знаков, правил, норм, короче говоря – значений. Со ссылкой на понимание символа Лейбницем, Элиаде и Кассирером Рикёр трактует действие как феномен неизменно символически опосредованный, а символизм, в свою очередь, как свойство, имманентное действию. Отсюда правильно было бы истолковывать поведение человека вариативно: «Можно интерпретировать какой-либо жест, например поднятую руку, то как голосование, то как молитву, то как желание остановить такси» [Рикёр 1995: 10–11].

Делая резюме по поводу знаковой сущности действия, Рикёр использует неожиданное сравнение действия и книги: эти два феномена в равной степени «являются произведениями, открытыми множеству читателей. Как и в сфере письма, здесь то одерживает победу возможность быть прочитанными, то верх берет неясность и даже стремление все запутать» [Рикёр 1995: 18].

Обратимся теперь к анализу категории выражения, изложенному М.М. Бахтиным в «Марксизме и философии языка» [Бахтин 2010: 25–40, 76–90]. На страницах книги читатель сталкивается с господством структурно-функциональной точки зрения на предмет: автора в первую очередь интересует

- устроенность «события выражения»,
- взаимодействие, взаимозависимость его элементов.

Выражение – это «нечто так или иначе сложившееся и определившееся в психике индивида» и объективированное «вовне для других с помощью каких-либо внешних знаков. В выражении, таким образом, два члена: **выражаемое** (внутреннее) и его **внешняя объективация** ... все событие выражения разыгрывается между ними» [Бахтин 2010: 76–77]. Следовательно, утверждается мысль о главенствующей роли звена «Факт – Манифестация» в ситуации МФ (если соотнести цитату с принятой в нашей работе терминологией). Развивая далее тезис об очевидном единстве двух названных членов, философ завершает его на первый взгляд парадоксальной и чрезвычайно важной мыслью о том, что организующий и формирующий центр находится не внутри, а вовне: «Не переживание организует выражение, а, наоборот, **выражение организует переживание** (выделено мной. – *Е. О.*)» [Бахтин 2010: 78, а также: 28–29].

Итак, событие выражения представлено в научном контексте как выделенный и разносторонне осмысленный феномен коммуникативной природы. При этом его функциональный статус чрезвычайно широк. Как базовую структуру, задающую план и направление перспективных поисков, событие выражения можно определять в границах семиотики, которая предлагает универсальные эвристические процедуры для различных областей гуманитарного знания. В качестве целостного предметного поля его рассматривают в медицинской симптоматике, психологии эмоций, невербальной семиотике и имиджологии. Наконец, масса нетривиальных объектов для наблюдения открывается в психиатрии, этнографии, антропологии, социологии,

культурологи в случае, если экспериментатор заинтересован в разработке манифестирующей проблематики.

2. Ситуация манифестации факта: Лингвистическая база анализа

Выбор языковой грани объекта, в плоскости которой проведены дальнейшие наблюдения, заставляет учитывать контекст нескольких лингвистических направлений, а именно:

- семантического и коммуникативного синтаксиса,
- лексической семантики,
- активной грамматики,
- теории языковой картины мира.

Каждое из них вносит свой вклад в формирование теоретической базы работы.

2.1. Исследование языковой картины мира и антрополингвистика

Языковая картина мира (ЯКМ) – составляющая общей картины мира (КМ) – «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека. Картина мира ... субъективный образ объективной реальности» [Постовалова, 1988: 21; об истории данного понятия см. там же: 12–18; Корнилов 2011: 5–21]; в других исследованиях под это понятие подводится «модель мира» [Цивьян 1990: 5; Шмелев 2002; 2002a] и обсуждаются взаимосвязи картины мира и языка как формы ее содержания [Колшанский 2006; Корнилов 2011].

Материалом для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка: лексемы, морфологические формы, синтаксические конструкции и т.п. [Языковая картина мира ... 2006: 34].

Хотя понятие языковой картины мира кажется вполне освоенным отечественной лингвистикой – до такой степени, что внедрено в терминологический аппарат вузовских учебников и пособий [Кронгауз 2005; Радбиль 2010; Коньков, Неупокоева 2011; Корнилов 2011], Н.Ф. Алефиренко, со ссылкой на Ю.Н. Караулова, отмечает скованность лингвистов при оперировании им как термином и придание ему метафорического характера [Алефиренко 2009: 65]. Это становится очевидным при знакомстве с несколькими оценочными определениями: разные авторы называют ЯКМ «языковым мировоззрением» [Бахтин; цит. по: Борухов 1991: 16] «душой языка» [Борухов 1991: 16], «обыденной картиной мира» или вообще присваивают ей статус наивной модели мира [Туровский 1991: 91; Апресян, Апресян 1993: 30; Языковая картина мира ... 2006: 34].

Споры вокруг данного понятия до сих пор живо ведутся на страницах научных изданий, итогом чего можно считать список более или менее пересекающихся дефиниций:

- языковая картина мира – это «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема воспроизведения действительности» [Яковлева 1999: 9];
- «языковой картиной мира принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, "дискурсивных слов", устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов» [Зализняк 2006: 206–207];
- «языковая картина мира есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности ... Отражая мир в его бесконечном разнообразии и целостности, языковая картина мира указывает на составляющие картины, их состояние, положение, то есть связи по отношению друг к другу» [Алефиренко 2009: 66].

При углублении в проблему заметно, как одни лингвисты занимаются критической оценкой уже существующих формулировок [Князев 2011: 264–265], другие выводят свои собственные, а третьи вовсе обходятся без этого, предпочитая заниматься обработкой конкретного материала на основе интуитивно прочерченных профессиональным сообществом векторов научного анализа. Результаты таких корпоративных усилий впечатляют: в обзоре Ю.П. Князева даются ссылки на множество серьезных авторских и коллективных исследований, опубликованных за последние 10–15 лет [Князев 2011]; о том же свидетельствует библиография, собранная в [Корнилов 2011].

Актуальность исследования картины мира осознается особенно остро в последние десятилетия XX в. в связи с обострившимся интересом к «человеческому фактору» и формированием антропоцентрического подхода в различных научных областях [Роль ... 1988: 8; Логический анализ ... 1989: 3–4; Розина 1991; Цивьян 1990: 12; Алпатов 1993: 15; Горелов, Седов 2010: 6–7].

Традиции отечественной антропологической лингвистики были заложены еще на рубеже XIX и XX вв. трудами И.А. Бодуэна де Куртенэ и развивались усилиями М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Е.Д. Поливанова и мн. др. Символично, в частности, название вступительной статьи К.Ф. Седова к сборнику избранных бахтинских работ – «М.М. Бахтин – знамя отечественной антропологической лингвистики» [Седов 2010: 3–4].

Сегодня трудно найти профессионала, который не затрагивал бы проблему антропоцентрической направленности современного языкознания. Зайдет ли речь о психолингвистике или коммуникативистике, лингвистической когнитологии или речеведении, жанроведении или лингвоперсонологии, а тем более о теориях языковой личности или языковой картины мира – в преамбуле автор наверняка несколько слов посвятит тотальной ориентации гуманитарных практик на человека как субъекта общения. Эта тема – своеобразное общее место публичной, социально ориентированной лингвистики – свидетельствует о жестко откорректированном угле научного зрения: человекоемкое содержание объектов, выделяемых профессиональным взглядом, вряд ли изменится в обозримом будущем.

Для нас принципиально указать на то, что антропоморфизм не является лишь парадной идеей, но зачастую становится настоящей методологической и / или методической базой лингвистической работы.

Из конкретных примеров приведем оригинальную трактовку типологии грамматик В.В. Богданова, в контексте которой автор, рассматривая нормативные (предписывающие), узусные (описательные) и генеративные (моделирующие) грамматики, доказывает их принципиальное единство: «Антропоцентризм нормативной и узусной грамматик проявляется в их непосредственной связи с пользователем. Нормативная грамматика как бы предписывает говорящему: "Ты должен говорить так", а узусная регистрирует: "Ты фактически говоришь так". Что касается ... генеративных грамматик, то они как бы говорят коммуниканту: "Когда ты выступаешь в качестве говорящего, ты ведешь себя так, как это моделируют ... генеративные грамматики с семантическим центром или базой. Если же ты оказываешься в роли слушающего, то твое языковое поведение моделирует трансформационная порождающая грамматика". Таким образом, все грамматики ориентированы на потребителя и описывают его поведение» [Богданов 2007: 241].

Другая иллюстрация приведенного выше наблюдения – исследования И.Е. Кима, находящиеся в русле этнолингвистики и языковой семантики. Анализ построен здесь на гипотезе о глобальном делении картины мира на семантические сферы-слои, определяемые по отношению «населяющих» эти сферы участников к человеку, который поставлен в центр мироздания. Первый слой образует самосознание человека, или эго-сфера, второй – личная сфера, в которой объекты внешнего мира приобретают качество сопричастности из-за установленного человеком тесного условного контакта с ними.

К третьему слою отнесены прочие феномены, которые находятся за пределами *Я* и его привязанностей-сопричастностей. Собранные факты лексического, морфологического и синтаксического статуса свидетельствуют именно о таком трехслойном представлении об универсуме, в котором по-хозяйски распоряжается наивное языковое сознание [Ким 2009: 12–23; 2011].

Наконец, содержательный и системный исторический обзор антропоцентрической парадигмы лингвистики дает Г.М. Мандрикова, начиная с работ В. Фон Гумбольдта и через идеи Э. Бенвениста, Л.В. Щербы и Ф.И. Буслаева подводя к современным концепциям и методологиям В.В. Морковкина, Ю.Н. Караулова и В.М. Алпатова [Мандрикова 2011; 2011a]. Ее диссертация посвящена выявлению специфики таронимов и агнонимов, установлению причин их возникновения в речи и механизмов динамичного распространения (данные типы лексической системы определены В.В. Морковкиным и его коллегами [Морковкин, Морковкина 1997]).

В функции агнонимов выступают слова и фразеологизмы, неизвестные или непонятные носителям языка: архаизмы и историзмы, неологизмы и узкоспециальная лексика, использование которых именно поэтому вызывает ощутимую заминку; к примеру: *подовый* – испеченный на нижней горизонтально поверхности в печи) [Иллюстрированный словарь... 1998: 138], *morganaticкий* (брак, заключенный царской особой с лицом нецарского рода) [Крысин 1998: 456], *кластер*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.